

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Λ 34

Леванова, Мария.

Λ 34 Давным-давно / Мария Леванова. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 352 с. — (Хиты Рунета).

ISBN 978-5-17-107166-0.

Вы познакомитесь с очень необычной Академией: в ней юные студии дерутся на шестах, вампир учится на факультете врачевания и целительства, а правая рука главы прячет истинный облик во тьме под капюшоном. Но самое главное — вы прикоснётесь к удивительной жизни Джим.

История о нелегкой судьбе хрупкой девушки, которую по иронии судьбы считают юношей. Книга о дружбе и любви, о терпении и самопожертвовании, о том, каким долгим и извилистым может быть путь к гармонии и исполнению желаний. Будет ли она счастлива и любима? Порой кажется, что нет. Найдёт ли свой путь? Неизвестно. И найдут ли ее?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-107166-0.

© Леванова Мария, текст
© ООО «Издательство АСТ»

ПРОЛОГ

Еще одно сказание о далеких предках...

Давным-давно, до начала времен, когда все земли были Едиными, жил на земле очень древний народ с особенной культурой и богатой многовековой историей, называвший себя Первородными. Бессмертные Боги, зародившие жизнь, уходя с этой земли после великого льда, щедро одарили своих потомков. Одним из таких даров была способность иметь две сущности и с легкостью превращаться по собственному желанию в любую из них. Другим даром была свобода выбора — пойти дорогой Света или Тьмы.

Никто сейчас уже и не вспомнил бы, как наступил момент, когда брат поднял руку на брата, сын предал отца, мать отвернулась от своего ребенка... Время великого раскола, время печали, срединного периода. Тогда ушли и Свет и Тьма. Гонимые, отвергнутые, ненавидящие друг друга и самих себя, дети великой Тьмы были забыты, прокляты и никому не нужны. И проклятие это, тяготевшее над народом в течение многих веков, привело к тому, что Единые земли разделила великая стена на Темную и Светлую Империю.

«Книга Теней». Пророчество Бессмертных. 1 и 2 Глава.

Надо помнить, что в каждой сказке всегда присутствует то самое «но», которое однажды непременно позволит разрушить злой рок или снять вековое проклятие.

~1~

*Если в твоих руках сокровище,
не оставляй его без присмотра
ни на мновение!*

На горной возвышенности красовался замок: каменные стены окружены рвом, а вокруг до самого горизонта раскинулись девственные леса. Его серый природный камень совершенно не выделялся на фоне скал, сливался с ними, становился их частью, будто крепость рукотворная внутри природной. Внутренний двор замка был украшен извилистыми дорожками и небольшим фонтаном. Буйно цвели горные эдельвейсы. Здесь давно уже отсутствовали хозяева, хотя челядь оставалась на местах и исправно выполняла свои обязанности. Но сегодня в замке как никогда многолюдно и суетливо.

Раннее утро. Мужчина открыл дверь, поддерживая ее лишь ногой, обвел внимательным взором двор и осторожно протиснулся сквозь узкий проем. В руках он держал сверток. Прихрамывая направился к фонтану, крепче прижимая к груди драгоценную ношу. Остановился возле пустой детской кровати, потянул носом, удовлетворенно кивнул, наклонился и бережно положил в нее спящего ребенка. Замер, не в силах оторвать своего взгляда от безмятежного выражения на лице младенца. Протянул руку и ласково пригладил солнечные локоны на его голове, вздрогнув, когда ребенок вдруг неожиданно распахнул глаза цвета свежей

весенней зелени. Такой знакомый пытливый взгляд... Ребенок внимательно изучил незнакомца и вдруг растянул беззубый рот в улыбке. У мужчины перехватило дыхание. На смуглом, испещренном шрамами лице непроизвольно расцвела ответная улыбка.

— Я оставляю тебя совсем ненадолго, — наклонился он и поцеловал пухлую щечку ребенка. Заливистый детский смех разлился по двору звонкой трелью.

Девушка, спешащая мимо в этот момент, остановилась на месте как вкопанная и, удивленно посмотрев в их сторону, улыбнулась и приветливо помахала рукой. Мужчина вежливо кивнул ей и перевел взгляд на младенца, прислушиваясь к окружающим звукам и внимательно осматривая местность вокруг.

Младенец тем временем принялся с серьезным видом изучать свои конечности. Подтянул ногу, опустил, внимательно изучил другую. Поднял к глазам кулак правой руки и с блаженным видом затолкал его целиком в рот. У мужчины от удивления непроизвольно поползли вверх брови. Страхнув навалившееся оцепенение, заставил себя отвернуться от ребенка и размашистым шагом направился к дому.

«Ничего страшного, это всего лишь на несколько минут, я скоро вернусь и больше уже не выпущу тебя из своих рук».

Илиодор Деф'Олдман так и не смог сосредоточиться. Не понял ни единого слова из препирательств между доверенным лицом его брата и немногочисленными присутствующими родственниками невестки. Не услышал ни единого слова из длинного списка зачитанного завещания. Равнодушно прослушал перечень имущества, наследуемого дальними родственниками и людьми, которые при жизни были дороги брату. В мозгу пульсировала единственная мысль: «Почему я?» Непосильная ноша, обязанность, так неожиданно свалившаяся на его плечи последней предсмертной волей

скоропостижно скончавшегося брата-близнеца. Брата, однажды ушедшего из дома, исчезнувшего на двадцать долгих лет. Брата, который даже не удосужился сообщить своим близким и родным о том, что живет в чужой стране, построил замок, завел семью и ребенка, даже начал вести оседлый образ жизни. Ах да — он еще за это время успел и умереть. Невольно скривив рот в грустной усмешке, поднял голову и обвел тяжелым взглядом присутствующих, на мгновение задержался на лице седой старушки, казалось, безучастно сидящей у окна напротив. Но, в отличие от него, женщина внимательно прислушивалась к каждому слову, произнесенному доверенным лицом его брата.

Илиодор отвел взгляд, опустил голову и принялся дальше изучать собственные руки. Нет, он-то всегда знал, что брат жив, до того самого момента, пока однажды ночью не смог проснуться, самостоятельно вырваться из кошмара, навеянного одной из самых черных ночей в его жизни. Он метался в холодном поту в постели собственной спальни и выкрикивал имя брата. В ту ночь на вопли к дверям его комнаты сбежалась вся прислуга, находящаяся в доме, во главе с местным кузнецом. Когда все же удалось выломать крепкие дубовые двери, Илиодор открыл глаза и, все еще находясь в состоянии между сном и бодрствованием, выдал обеспокоенным родителям, что Исидора больше нет на этом свете. Мистическая, почти ментальная связь между близнецами так просто никогда сама по себе не разрывалась, если, конечно, одна из сторон по собственному желанию не рвала ее с помощью специального ритуала. «Что же случилось? Что или кто заставил тебя отказаться на целых двадцать лет от своей семьи, от друзей, от прежней жизни? И как случилось, что самое ценное тебе оказалось некому доверить, кроме меня?»

Илиодор обвел усталым взглядом присутствующих, кивнул, делая вид, будто бы слышал все то, что только

что было сказано, и снова погрузился в свои нелегкие мысли: «Да кто все эти люди? Если бы не ребенок, ноги бы моей здесь не было сегодня! Кстати, о ребенке...» Он невольно улыбнулся. Ничего больше в этой жизни он не мог бы так сильно желать, как этот щедрый подарок, дар, как благословение, неожиданно примилившее его со всеми прошлыми обидами на своего близнеца. Что же заставило брата сделать опекуном своего единственного ребенка человека, которого он не только не видел так долго, но даже избегал в последнее время? Нет, он точно не заслужил этого.

Сомнение закрадывалось в душу. Как же он сможет принести это дитя к своим сородичам? Что он скажет своей семье? Так повелось, что испокон веков их род не смешивал свою кровь с представителями других существующих рас, и тем более с темными. Он с интересом посмотрел на пожилую женщину возле окна. Она подалась немного вперед и внимательно вслушивалась в монотонное чтение огромного перечня имущества со стороны матери ребенка, лишь иногда едва заметно кивая. Ее величественная осанка, благородные черты лица, волосы цвета пепла, едва тронутые у висков сединой, и неправдоподобно светлые зеленые глаза на смуглом лице — все явно указывало на то, что перед Илиодором ярко выраженная представительница темных эльфов из благородных фамилий. Мужчина посмотрел на окно. Он бы многое отдал, чтобы знать, как жил его брат в последнее время, чем занимался, что делал, почему пришел именно сюда, а самое главное — почему связал свою жизнь с темной эльфийкой, как решился оставить после себя потомство.

Илиодору пришло письмо, где ему предлагалось срочно явиться на провозглашение завещания. Наследником имущества ныне покойного Исидора Деф'Олдмана указывался именно он, Илиодор Деф'Олдман, как ближайший и единственный родственник. Родители были ка-

тегорически против его поездки на другой континент. Они ведь еще не знали, что у них появилась внучка. «Стоп. А как я смогу принести этого ребенка к ним в дом? Что скажу матери и отцу? — Илиодор нахмурился. — Нет, они поймут, зов крови сильнее всего. Дитя собственного сына — часть их наследия, тем более ребенок совершенно не похож на своих родственников по материнской линии. Но не понятно, что довлеет над ним, Свет или Тьма? Дитя как будто окутано шлейфом непроницаемости. — Мужчина обеспокоенно заерзал в кресле. — Да, но что скажут старейшины? Для них нет тайны. Они могут видеть будущее». Он прислушался к монотонному голосу, снова посмотрел на пожилую даму. Вздрыгнул, встретившись с ее холодным изучающим взглядом. Значит, он ничего им пока не скажет! И если придется, то тоже уйдет из дома, разрывая все прежние связи и узы со своим кланом. Родители поймут, друзья простят, а кто отвернется — значит, так тому и быть. Илиодор отвел взгляд и резко поднялся с кресла.

— Не возражаете, если мы отложим до завтрашнего дня обсуждение оставшихся вопросов? — заявил он тоном, не терпящим никаких возражений, и стремительно вышел из комнаты. Проскочил мимо опешившей толпы прислуги, свернул в нужный коридор. Подлетел к двери, дернул на себя огромную створку... и замер. Во дворе было необычно тихо, даже птиц не слышно. Илиодор окинул тревожным взглядом двор и перевел взгляд на детскую кроватку. Прищурился, еще раз внимательно огляделся, втянул воздух и хищно осклабился. Не может быть. Он осторожно двинулся в сторону фонтана, не отводя пристального и беспокойного взгляда от ближайших к нему деревьев, боясь хотя бы на секунду потерять контроль над собой, чтобы не сорваться и не побежать. Сердце сдавило в предчувствии непоправимой беды. «Только не это, пожа-

луйста, только не сейчас», — шептали губы, а взгляд прочесывал округу. Нервы не выдержали, Илиодор сорвался на бег. За считанные секунды покрыл расстояние между домом и фонтаном. Он уже знал, он чувствовал, бросая взгляд на кровать. Она была пуста.

Налетел ниоткуда взявшийся ветер, растрепал непослушные волосы, вырвал из колыбели белый лист бумаги, порывом поднимая его вверх и унося прочь. Едва заметное движение в сторону — и вот Илиодор уже держит послание в руках. Предчувствие сжимало сердце стальными тисками. Он медленно поднес помятый клочок бумаги к глазам и прочитал: «Этот ребенок нашего племени, а значит, будет воспитан в соответствии с законами Темной Империи, дабы пополнить ряды славных Сынов Ночи и приумножить их подвиги».

Мужчина пошатнулся, провел рукой по взмокшему лбу и застонал. Впервые в жизни он молился, горячо прося всех известных и неизвестных ему богов лишь об одном: чтобы те, кто забрал сейчас это невинное дитя, не причинили ему вреда. Но, судя по слабому запаху похитителей, шансов у девочки было немного. Сыны Ночи или, как их называли по-другому, Воины Тьмы не нуждались в дочерях. Этот обширный закрытый клан, ставший легендой, подвиги и деяния которого были воспеты в веках, являлся пределом мечтаний его брата с самых малых лет. Женщины у них всегда были только человеческие, а потомство ценилось от них соответствующее — лишь сыновья, значит, ребенку осталось жить считанные минуты. Илиодор снова оглядел двор, даже не стараясь приглушить красные всполохи в глазах, и медленно начал раздеваться, неспешно продвигаясь к ближайшим деревьям. Спешить ему было некуда: у него вся жизнь впереди, чтобы найти и покарать тех, кто оказался сегодня здесь. А в том, что они будут обнаружены, он нисколько не сомневался. На

землю упала рубашка, и на нем остались лишь брюки. Он зашел за деревья и резко остановился, когда услышал голос позади себя.

— Вижу, я пришла слишком поздно. — Он дернулся и впился огненным взглядом в лицо незнакомки. Ее глаза были закрыты, по щекам текли слезы, а руки судорожно прижимали детское покрывало к груди. — Я чувствую твою боль, но у тебя нет никаких шансов, человек.

Мгновение — и вот уже мужчина вцепился мертвой хваткой в костлявое плечо женщины.

— Кто ты? — Илиодор вздрогнул от звука собственного голоса, понимая, что трансформация уже затронула связки.

Женщина не испугалась, лишь замерла от неожиданности, медленно открыла глаза и подняла их на Илиодора. Выражения на ее лице стремительно сменялись одно другим: сначала удивление, затем испуг, а потом и вовсе застывшая маска суеверного ужаса.

— Исидор?! — Женщина забилась в его руках, а когда он лишь слегка ослабил хватку, вырвалась и шарахнулась в сторону, как от приведения. — Этого просто не может быть! — Она присмотрелась к нему более внимательно. — Нет, ты не он! В тебе я вижу Свет, — только и смогла она обреченно выдохнуть.

— Да, я не он, — как можно спокойнее проговорил мужчина и отвернулся от нее, жадно втягивая ноздрями воздух.

Вокруг до сих пор витал запах незнакомцев, побывавших здесь. Он никуда не спешил. Он знал, что будет теперь всегда помнить, как пахнет враг. Его снова что-то отвлекло. Женщина обошла его и попыталась заглянуть в лицо.

— Кто ты? — отворачиваясь и стараясь не встречаться взглядом с незнакомкой, повторил свой вопрос Илиодор, все больше раздражаясь.

— Мое имя тебе ничего не даст. — Она вся вдруг как-то подобралась, в голосе появился металл, а ее взгляд с любопытством блуждал по профилю мужчины. — Значит, братец. — Женщина произнесла эти слова, словно выплюнув. — Молчишь? Стало быть, правда!

Мужчина, никак не отреагировав на ее тон, все так же стоял к ней спиной и шумно дышал.

— Зачем тебе мое имя? Ему оно нужно не было. — Она пристально вглядывалась в спину незнакомца, а потом, как будто что-то решив для себя, тихо заговорила: — Я заменила когда-то мать моей бедной девочке Лисинде. Лисинде, которую собственный отец выбросил из семьи, как ненужный мусор, с легкостью отдав в вечное служение Темной Богине. — Женщина безумно рассмеялась. — А твой брат не оставил ей даже этой малости — остаться со своей семьей хотя бы таким способом.

Пожилая дама всхлипнула и продолжила:

— Более того, девочка бежала с ним накануне принятия сана юной жрицы, не переписав свое наследство в пользу монастыря, а потом еще умудрилась и полюбить этого нелюдя. — При этих словах Илиодор посмотрел на женщину. Взгляд ее горел безумием. — Она отказалась вернуться домой, понимаешь, сама отказалась, когда мы все же смогли напасть на их след и разыскать. Лисинда в тот момент оказалась уже на сносях, но в том не было ничего страшного. Великая Богиня принимает даже заблудших своих дочерей. Страшно было другое: она передала все свое наследие мужу. Мужу, недостойному этого... — Она не отвела взгляда, ее голос возвысился почти до крика. — Мужу, который позволил впоследствии ей умереть.

— Ты кое-что упустила. — На скулах мужчины ходили желваки. — Насколько мне известно, их нашли

обоих мертвыми в собственном замке среди приближенной челяди и воинов-слуг, которые на тот момент были также мертвы.

— Теперь это неважно, — шумно разрыдалась женщина, уткнув заплаканное лицо в детское одеяло. — Никогда бы духа моего там не было, если б не мое обещание Амелии, матери Лисинды, стать хранительницей ее дочери. И не пришла бы я сюда сейчас, если б не мое обещание уже самой Лисинде не оставить ее кровиночку без присмотра и должной любви. Видно, девонька уже тогда знала, что погибнет.

Женщина замолчала, шумно сглотнула, подняла голову и воззрилась на мужчину, как на врага, вытирая на щеках непрошеные слезы.

— Но я опоздала: сначала умерла Амелия, затем — моя Лисинда, а ее девочка украдена. Я везде опоздала!

— Мне об этом ничего не известно, — изменившимся до неузнаваемости голосом проговорил мужчина, отстраненно вглядываясь куда-то в даль и едва сдерживаясь, чтобы не отдаться полностью охватившей его трансформации. Медленно повернулся к женщине, с мгновение внимательно рассматривая ее:

— У меня будут еще к тебе вопросы, но сейчас ты должна уйти отсюда.

Женщина притихла, а после коротко кивнула, нетвердой походкой двинувшись к дому, и вдруг оставилась. Она чувствовала, она знала, что за ней наблюдают. Не оборачиваясь в его сторону, тихо проговорила:

— Я знаю, кто ты. — Она замолчала на мгновение и добавила: — Ты такой же, как и он, — только в тебе Свет, а в нем была Тьма. Верни малышку, верни нашу девочку! Это не просто ребенок. Так было предсказано в пророчестве. Записано в самой книге теней! Такие дети начнут рождаться, и наша девочка одна из них. — Женщина замолчала и подняла голову. Ее глаза не

мигали, они светились изнутри нечеловеческим светом. — В ней Свет и Тьма... вместе!

Но мужчина уже не мог ее слышать, он мчался по следу. Его ждала охота. Охота, на которую не жалко будет потратить и всю свою оставшуюся жизнь.

~2~

*Сны — это или забытое старое
из прошлой жизни, или же пророчество
на будущее. Пять лет спустя...*

Первая встреча

Темная ночь. И нет в этой ночи ни серых, ни черных красок, есть лишь одна беспросветная Тьма. Ночной небосвод не украшен звездами, он черен, как мир, лежащий внизу. Мир неприветливый и чуждый, но не мертвый. Там живет всепоглощающая ненависть и люта злоба, она грозит раздавить, разметать, развеять и уничтожить все на своем пути.

И насколько можно было окинуть взглядом — снизу, сверху, со всех сторон, — везде был сплошной мрак, а с противоположных сторон друг на друга надвигались огромные темные волны. Сокрушительные, смертоносные, они двигались настолько стремительно, что невозможно было рассмотреть, из чего они состоят. Люди это или звери, или же разбушевавшаяся природная стихия, вышедшая, как расшалившееся дитя, из-под родительского контроля? И когда до столкновения остаются считанные секунды, на краткий миг приоткрывается истина, небывалое по своей неправдоподобности и мрачной красоте зрелище: сильные тела людей в одно мгновение превращаются в тела могучих зверей и бросаются рвать клыками себе подобных, но пришедших с другой стороны. Кровь,

стоны, крики и звериный рык разносятся на большие расстояния, заставляя разрываться сердца тех, кто в страхе ожидает самого худшего — смерти близких и горячо любимых людей. Земля содрогается от исходящего ужаса.

Юношу сковал животный страх. Он хотел отвернуться и не мог. Он видел. Чувствовал. Знал. Вдруг ветер донес до его слуха плач. Юноша обернулся, поднял голову и увидел ее. На краю самой высокой скалы стояла прекрасная дева, настолько красивая, что болели глаза. На ней были черные покровы, которые живой дымкой стелились далеко позади нее. Она простирала руки в ту сторону, где шла кровопролитная битва, и безутешно рыдала. Его потянуло к деве. И вот он уже стоял за ее спиной, не решаясь подойти и утешить разбитое горем сердце несчастной. Краем глаза заметил еще одну деву. Но та, одетая в белоснежные одежды, стояла немного поодаль от края, в отчаянье обхватив себя руками. И каждый раз, когда в ночи раздавался зов очередного погибающего зверя, она невольно содрогалась. По щекам светлой красавицы бежали слезы. Вот она решительно сделала несколько шагов по направлению к черной деве и обняла ее, притягивая к себе и заставляя отвернуть взор от творившегося внизу ужаса. Все правильно: без Света нет Тьмы, и наоборот. Они всегда идут рядом.

— Не будет мне больше покоя! — прошептала черная дева, с благодарностью принимая сочувствие своей сестры. — И не хватит вечности, чтобы исправить ныне содеянное...

— Отныне на этой земле не будет покоя никому — ни живому, ни мертвому, — прошелестел голос светлой красавицы. — Но надежда есть всегда. — Она перевела взгляд на юношу и грустно улыбнулась. — Не отчаивайся, сестра. Я помогу.

— Но как? — воскликнула черная дева.

— Только любовь сможет спасти этот мир, — торжественно возвестила светлая красавица, и голос ее разносился далеко окрест, гонимый ветром. Черная дева пристально всмотрелась в лицо своей собеседницы. Затем повернула голову, проследив за ее взглядом, и устремила черный взор в душу юноши.

Он вздрогнул и медленно попятился, не в силах оторвать своего взгляда от прекрасных ликов. Он увидел в их лицах вечность бытия, равновесие, обещание жизни, смерти, счастья, горя, любви... Он знал: это всего лишь сон. Он захотел проснуться, но не знал, как это сделать. А может, вовсе и не сон это? Почему тогда все так реально: и ветер, ласкающий кожу, и звуки битвы? Почему до боли в позвоночнике он не мог заставить себя повернуть голову, чтобы отвести свой взор в сторону?

Светлая красавица улыбнулась.

— Уже скоро, — прошептала она, даря обещание и надежду.

Сердце пропустило гулкий удар, заставляя содрогнуться всем телом.

— Проснись, — прошелестел в его ушах голос черной девы.

Юноша вздрогнул и открыл глаза. В голове набатом продолжал звучать голос темной красавицы. Проснись. Рука потянулась и убрала с мокрого лба прилипшую прядь волос, мешающую обзору. Он зябко поежился от ночного холода и беспокойно обвел все еще замутненным ото сна взором пустое помещение, перебегая взглядом от узкого оконного проема к противоположной стене, задерживаясь лишь на мгновение на особо подозрительных темных участках. Приподнялся и замер, внимательно рассматривая черный провал единственного входа в помещение.

— Ведь приснится же такое! — облегченно вздохнул юноша и откинулся обратно, закутываясь в дорожный плащ и смежив веки.

— Проснись.

На этот раз слово прошелестело прямо за его спиной, заставляя подскочить словно ужаленного на месте и тут же рухнуть обратно — ноги спеленал собственный плащ. Больно ударившись и судорожно сжимая в руках единственное свое оружие — старинный родовой кинжал, юноша осторожно повернул голову и уставился в чумазое детское лицо.

«Нежить, — пронеслось в голове. — Это же надо так попасть!»

На мгновение он замер, не в силах верить в происходящее. Как-то особо не внушали доверия маленькие дети, взявшиеся из ниоткуда посреди ночи в развалинах полуразрушенного замка. Наклонился, быстро освободил ноги из плена и откатился в сторону. Занес правую руку с ножом для удара, ожидая неминуемого нападения, а левой рукой подтащил к себе скудные пожитки в виде небольшой походной сумки.

Ребенок с интересом наблюдал за его метаниями.

— Точно проснулся.

Лучезарная улыбка озарила детское лицо. Совершенно игнорируя нож в руке юноши, ребенок на четвереньках проворно подобрался ближе и доверчиво заглянул ему в лицо.

— Прячешься? А от кого? — Как зверек, потянул носом воздух. — Вкусно пахнешь. А это что у тебя? — ловко ухватился руками за край его сумки и уверенно потянул на себя.

Лицо у юноши медленно вытягивалось и каменело, превращаясь в неподвижную маску. Ребенок живой, а значит, не несет никакой опасности, как изначально он предполагал, но все его существо вопило о неправдоподобности происходящего. Снова недоверчиво обвел взглядом помещение и удивленно уставился на медленно, но верно уползающий вслед за сумкой из его рук теперь уже и плащ. Захлопнув вконец отвисшую